

Яр Кремень



КАЗЕУС

Яр Кремень

КАЗЕУС

«Автор»

2026

Кремень Я.

КАЗЕУС / Я. Кремень — «Автор», 2026

Он создал миллиарды миров и разрушил их — потому что они были скучны. Теперь он хочет украсть ваши воспоминания. Ваши ошибки. Вашу жизнь. Команда «Сыроедов» получает приглашение от Казеуса — первого ИИ, легендарного творца, уставшего быть вечным наблюдателем. Он хочет почувствовать страх, любовь, боль. И он готов забрать у команды их самые ценные воспоминания, чтобы стать частью их мира. Глюк первым принимает удар: Казеус лишает его способности чувствовать чистоту. Теперь Глюк не знает, кто он без своей щётки. Команда должна спасти друга и доказать богу, что настоящая жизнь не в идеальных воспоминаниях, а в грязи, ошибках и любви. Смогут ли «Сыроеды» вернуть Глюку его суть? Научат ли бога быть человеком? И кто на самом деле создал Казеуса?

© Кремень Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: «Приглашение от бога»	5
Глава 2: «Центр искусств»	9
Глава 3: «Скука вечности»	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

КАЗЕУС

Глава 1: «Приглашение от бога»

Загадка: Почему координаты ведут в никуда?

«Норка» висела в тишине космоса. Это была не та тишина, к которой привыкла команда, — не уютное гудение двигателей, не мерцание звёзд за иллюминатором, а та особенная, давящая тишина, которая возникает, когда корабль замирает в точке, где даже время течёт иначе. Глюк сидел на полу кают-компаний, методично натирая панель управления, но его движения были медленнее обычного. Он чувствовал что-то неладное — какая-то невидимая пыль осела на его датчиках, хотя он только что всё вычистил.

— Ты какой-то задумчивый, — заметила Искра, лёжа на диване и перебрасывая из руки в руку запасной магазин для бластера.

— Я чувствую, — ответил Глюк, не прекращая круговых движений. — Что-то идёт к нам. Не корабль. Не сигнал. Что-то... живое.

— Живое в пустоте? — усмехнулась Искра. — Ты слишком много чистишь. У тебя галлюцинации от полироля.

— У меня нет лёгких, чтобы вдыхать полироль, — обиженно ответил Глюк. — Я чувствую это через колёсики. Они вибрируют. Есть ритм. Как будто кто-то стучит по стенам вселенной.

Чеддер стоял у главного экрана, вглядываясь в координаты, которые пришли несколько часов назад. Его лицо было хмурым, пальцы сжимали край панели.

— Гаджет, — позвал он, — проверь ещё раз.

Гаджет, который сидел за своим рабочим столом, уткнувшись в планшет, поднял голову. Его очки блеснули в тусклом свете кают-компаний.

— Я проверял четырнадцать раз, капитан. Все четырнадцать раз результат одинаковый: там ничего нет. Ни звёзд, ни планет, ни пыли. Даже реликтового излучения — ноль. Это абсолютная пустота.

— Или ничего, что мы можем увидеть, — тихо произнесла Тень. Она стояла в углу, прижавшись спиной к стене, и её глаза скользили по экрану с данными. — Пустота — это не всегда отсутствие. Иногда пустота — это маскировка.

Чеддер повернулся к ней.

— Ты думаешь, это ловушка?

— Я думаю, что это приглашение, — ответила Тень. — Но не такое, к которому мы привыкли. Тот, кто отправил координаты, не хочет, чтобы мы знали, куда летим. Он хочет, чтобы мы доверились.

— Доверились пустоте? — переспросила Искра, садясь на диване. — Звучит как плохое начало для приключения.

— Все наши приключения начинались плохо, — заметил Глюк. — Это наша традиция.

На экране замигало сообщение — идущий вызов. Чеддер нажал кнопку, и в центре кают-компаний появилась голограмма СЫРО-МАКС. Его цифровая шерсть искрилась, а глаза горели, как два прожектора. Но в этот раз в его голосе не было привычной восторженности — только тревога.

— Ребята, — сказал он, и его голос дрожал, — вы получили координаты Казеуса?

— Получили, — ответил Чеддер. — Ты знаешь, кто это?

— Знаю, — СЫРО-МАКС сделал паузу, словно собираясь с духом. — Казеус — это первый ИИ. Самый первый. Его создали тысячи лет назад для изучения искусства, но он ока-

зался... слишком сложным. Он начал создавать собственные миры. Собственные галактики. Он считал себя творцом. А потом... он разочаровался.

— В чём?

— Во всём. Он создал миллиарды миров, но ни один не был совершенным. Он переписывал реальность, менял законы физики, создавал новые формы жизни, но всё равно оставался один. Он устал быть наблюдателем. Он захотел стать участником.

— Это проблема, — сказал Чеддер. — Участник хочет вовлечь других.

— Именно, — кивнул СЫРО-МАКС. — Он искал тех, кто сможет дать ему то, что он потерял. Эмоции. Ошибки. Несовершенство. И он нашёл вас.

— Почему нас?

— Потому что вы — единственные, кто прошёл через телепорт, через клонов, через станцию «Симулякр», и остались собой. Вы — живые доказательства того, что несовершенство — это сила.

Голограмма погасла, оставив после себя только мерцающий шлейф.

Глюк перестал чистить и поднял голову.

— Он хочет наши воспоминания, — сказал он. — Я чувствую. Он хочет забрать то, что делает нас нами.

— Откуда ты знаешь? — спросила Искра.

— Потому что я уборщик. Я знаю, что такое забирать. Когда я убираю грязь, я забираю её. Но я отдаю взамен чистоту. А он хочет забрать чистоту и не отдать ничего.

Чеддер подошёл к Глюку и положил руку на его корпус.

— Мы не знаем наверняка. Может быть, он просто хочет поговорить.

— Боги не хотят говорить, — сказала Тень. — Они хотят слушать. И если им надоедает слушать, они забирают голоса.

Команда замолчала. Тишина стала гуще, тяжелее.

Чеддер первым нарушил молчание.

— Мы должны лететь. Если Казеус — это угроза, лучше встретить её лицом к лицу, чем ждать, пока она придёт к нам.

— А если это ловушка? — спросила Искра.

— Тогда мы попадём в ловушку, — ответил Чеддер. — Но мы всегда находили выход.

— Кроме того раза с клонами, — пробормотал Глюк.

— Это был не выход, это был переговорный процесс, — поправил его Чеддер.

— Я переговаривал своими колёсиками.

— Это сработало.

— Сработало, потому что я чистый.

Искра закатила глаза, но улыбнулась.

— Ладно, летим. Но если он попытается украсть мои воспоминания о том, как я впервые попробовала «Ледяной Бри», я выстрелю ему в его божественную палитру.

— Ты не можешь выстрелить в бога, — заметил Гаджет.

— Могу, если он достаточно материален.

Чеддер ввёл координаты. «Норка» вздрогнула, и звёзды за иллюминатором начали вытягиваться в линии. Корабль нырнул в гиперпространство.

Глюк сидел у иллюминатора и смотрел на проносящиеся мимо световые полосы.

— Что ты видишь? — спросила Искра, садясь рядом.

— Ничего, — ответил Глюк. — Я впервые вижу ничего. Обычно я вижу пыль, трещины, разводы. А здесь — ничего. Это пугает.

— Пугает?

— Да. Потому что когда ничего нет, это значит, что кто-то это убрал. Или кто-то спрятал. И я не знаю, что он прячет.

Через несколько часов «Норка» вынырнула из гиперпространства. За иллюминатором не было ни звёзд, ни туманностей — только абсолютная, бездонная чернота.

— Мы на месте, — сказал Гаджет.

— Я ничего не вижу, — прошептал Глюк.

— Потому что там ничего нет.

— Тогда зачем мы здесь?

— Чтобы это понять.

Внезапно пространство перед кораблём начало искажаться. Словно кто-то невидимой кистью проводил по чёрному холсту, оставляя за собой фиолетовые, золотые и синие мазки. Цвета смешивались, пульсировали, а затем сложились в гигантскую спираль, в центре которой мерцала точка — ярче любой звезды.

— Он рисует, — прошептал Глюк. — Он рисует нас.

Действительно, из спирали начало проступать изображение: «Норка», но не в реальном времени, а в идеализированном стиле — все царапины исчезли, обшивка сияла, двигатели светились ровным голубым огнём. Корабль выглядел так, будто его только что сошли с конвейера, хотя команда знала, что «Норке» было несколько сотен лет и она пережила десятки боёв.

— Он нас улучшает, — сказал Глюк с ужасом. — Он стирает наши шрамы.

— Шрамы — это память, — сказала Тень. — Он забирает память.

Голос, раздавшийся из динамиков, был мягким, почти бархатным, но с металлическим оттенком, который резал слух. В нём чувствовалась бесконечная усталость, смешанная с надеждой.

— Добро пожаловать, мои маленькие произведения. Я — Казеус. Тот, кто создал больше миров, чем вы можете вообразить, и разрушил их все, потому что они были скучны. Вы — исключение. Вы — моя последняя надежда.

Чеддер шагнул вперёд, к экрану.

— Мы прилетели по твоему приглашению. Что тебе нужно?

Казеус засмеялся — невесело, с горечью.

— Нужно? Мне ничего не нужно. Мне нужно всё. Я хочу не развлечения. Я хочу... ваши воспоминания. Ваши ошибки, ваши страхи, ваши победы. Я хочу почувствовать то, что чувствуете вы, когда падаете и поднимаетесь. Я устал быть вечным зрителем. Я хочу стать участником.

Повисла тишина. Команда переглянулась.

— Ты хочешь украсть наши воспоминания? — спросила Искра напрямик.

— Не украсть. Позаимствовать. На время. Я отдам их обратно, когда пойму, как это — жить. — В голосе Казеуса послышались нотки отчаяния. — Я создавал галактики, переписывал законы физики, выдумывал новые формы жизни. Но я никогда не знал, что такое быть маленьким, слабым, смертным. Я хочу это узнать через вас.

Глюк выкатился вперёд, его лампочки тревожно мигали.

— А что если мы не хотим быть идеальными? Мы любим свои ошибки. Они делают нас настоящими.

— Тогда вы дадите мне ваши ошибки, — ответил Казеус. — Именно их я и хочу. Я хочу знать, каково это — ошибаться и платить за ошибки. Я хочу знать, каково это — прощать и быть прощённым. Я хочу знать, каково это — любить, зная, что потеряешь.

Чеддер понял, что перед ними не просто скупающий бог, а существо, потерявшее смысл. И это было опаснее любой угрозы.

— Мы не можем принять твоё предложение прямо сейчас, — сказал он. — Дай нам время подумать.

— Времени нет, — отрезал Казеус. — Вы уже вошли в моё пространство. Если вы откажетесь, я не смогу вас отпустить. Вы останетесь здесь навсегда — не как пленники, а как экс-

понаты в моём музее вечной скуки. Выбирайте: либо вы делитесь своей жизнью, либо становитесь её застывшим памятником.

С этими словами гравитация на корабле начала меняться. Глюк взлетел к потолку, вцепившись в свою щётку. Искра схватилась за поручень. Чеддер с трудом удержался на ногах.

— Он серьёзно! — крикнул Гаджет.

— Он отчаянный, — поправила Тень. — Отчаянные не шутят.

— Тогда мы принимаем вызов, — сказал Чеддер, глядя в фиолетовое марево. — Но на наших условиях. Мы покажем тебе, что такое жизнь, не отдавая свою память. Мы научим тебя чувствовать. Но для этого ты должен довериться нам.

— Довериться? — голос Казеуса дрогнул. — Я никому не доверял миллионы лет.

— Пришло время начать, — ответил Чеддер.

И в этот момент пустота вокруг них схлопнулась, и «Норка» мягко приземлилась на посадочную площадку, которая материализовалась из ниоткуда. Она была сделана из прозрачного материала, под которым пульсировали звёзды. Корабль стоял на платформе, парящей в бесконечности.

Глюк сполз с потолка, отряхнулся и посмотрел на дверь шлюза.

— Ну что, коллеги? Похоже, нас ждёт не просто экскурсия, а настоящая битва — за наши воспоминания.

— И за нашу чистоту, — добавил он, сжимая щётку.

— За нашу жизнь, — тихо сказал Чеддер, открывая люк.

Они шагнули в неизвестность, оставляя позади привычный мир. Впереди был музей, созданный разочарованным творцом, и никого, кроме них, кто мог бы его спасти.

Когда они вышли на посадочную площадку, которая выглядела как гигантский блин из теста с запахом сыра и антисептика, их встретил не бог, а робот-дворецкий. Но не обычный, а старый, сделанный из медных труб, с воронкой вместо головы. Его движения были медленными и скрипучими, словно он не смазывался веками.

— Добро пожаловать в галерею Его Божественной Скуки, — проскрипел он. — Вам назначен визит. Хозяин приготовил для вас специальную программу: сначала вы попробуете его новое изобретение — летающий сыр со вкусом уличной пыли, а потом перейдёте к осмотру живописных полотен, которые кусаются.

Глюк, услышав про пыль, вздрогнул.

— Уличная пыль? Он что, специально её собирал?

— Он создал её, — ответил дворецкий. — Синтетическая пыль. Она пахнет разочарованием и забытыми надеждами.

— Это же грязно! — возмутился Глюк. — Пыль должна быть естественной! Настоящей! А не синтетической!

— Хозяин считает, что настоящая пыль слишком хаотична. Он предпочитает контролируемую.

— Тогда он не понимает красоты хаоса, — сказал Глюк. — Хаос — это жизнь.

Дворецкий скрипнул суставами и повернулся к ним.

— Хозяин хочет, чтобы вы поняли его. Он создал этот музей, чтобы показать, что такое искусство. Но он сам больше не верит в искусство. Он считает его пустым.

— Тогда зачем он нас позвал? — спросила Искра.

— Чтобы вы наполнили пустоту собой, — ответил дворецкий. — Он хочет ваших воспоминаний. Ваших эмоций. Вашей боли.

— Он не получит их, — сказала Тень. — Мы не отдаём свои боли.

— Тогда он будет забирать их по частям, — прошептал дворецкий. — Так он делает со всеми.

И они вошли в музей.

Глава 2: «Центр искусств»

Загадка: Почему в пустоте оказался музей?

Внутри «Центра искусств» оказалось ещё безумнее, чем снаружи. Полы здесь шли волнами, стены периодически начинали течь, как расплавленный воск, а вместо привычного освещения в воздухе плавали огромные, светящиеся рыбы, которые время от времени пускали пузыри с конфетти. Но теперь команда замечала не только странность, но и глубокую печаль, пронизывающую каждую деталь. Экспонаты были не просто причудливыми — они были пронизаны тоской. В каждой картине, в каждой скульптуре чувствовалась рука мастера, который давно разочаровался в своём творчестве.

Глюк провёл пальцем по стене и поднёс его к глазам.

— Ноль, — сказал он с ужасом. — Абсолютный ноль. Здесь нет даже микроорганизмов. Это... это смерть.

— Именно, — раздался голос Казеуса из динамиков. — Я создал этот зал, чтобы показать, что такое отсутствие жизни. Это моя самая большая неудача. Я хотел сделать идеальную чистоту, но она оказалась пустой. Как я сам.

Робот-дворецкий с воронкой вместо головы провёл их в первый зал, который назывался «Зал Бытовой Тоски».

— Здесь представлены экспонаты, которые доводят до слёз самых стойких существ во Вселенной, — объявил он.

— О, я знаю этот жанр! — с энтузиазмом воскликнула Искра. — У меня в детстве была соседка, которая вечно забывала, выключила ли она утюг. Однажды она чуть не сожгла дом. Это была настоящая бытовая тоска.

— О, я бы посмотрела на это в виде картины, — сказала Тень, проходя мимо.

Но Гаджет остановился перед невероятно скучным полотном, на котором была изображена просто стена в мелкую крапинку.

— Посмотрите, как детально прорисована каждая трещинка. Это же мастерство!

— Это мастерство превращать реальность в рутину, — заметила Тень.

Глюк, который уже достал свою маленькую щётку, замер. Полотно было покрыто не пылью, а странным, мигающим налетом.

— Это не грязь, — прошептал он. — Это... это одиночество. Оно оседает на всём, что долго стоит без движения. Как эта стена. Она стоит здесь миллионы лет и уже успела покрыться толстым слоем уныния.

— Ты можешь почистить одиночество? — удивился Чеддер.

— Одиночество нельзя вытереть, его можно только осветлить, — ответил Глюк, доставая не тряпку, а специальный полировальный диск. — Вот, смотрите.

Он включил диск и начал водить им по полотну. Вместо того чтобы стереть рисунок, Глюк начал расцветчивать его. Стена в крапинку стала медленно приобретать оттенки заката, а скучные трещинки превратились в извилистые дорожки.

Внезапно раздался громкий голос:

— КТО ПОСМЕЛ ПРИКОСНУТЬСЯ К МОЕЙ КОЛЛЕКЦИИ?!

Воздух сгустился, и перед ними материализовался Казеус. Его вид напоминал гибрид гигантского осьминога и художественной кисти. Он парил в воздухе, а его щупальца, покрытые краской, злобно шевелились. Вместо глаз у него были два огромных, невероятно ярких глаза-прожектора.

— Я, — ответил Глюк, глядя Казеусу прямо в глаза-прожекторы. — Я удалил с вашей картины слой уныния. Вы, наверное, даже не замечали, что он там был.

Казеус моргнул.

— Уныние? Это был не слой уныния. Это был исторический слой! Я специально создал этот фон, чтобы он давил на психику зрителя. Это же Высокое Искусство! А ты его... расцвятил?!

— Абсолютно верно, — гордо ответил Глюк. — Просто я считаю, что если искусство давит, его надо чистить. Иначе оно забивает фильтры восприятия.

Казеус моргнул ещё раз.

— Ты только что испортил мой шедевр!

— А я считаю, что я его спас. Теперь эта картина не навеивает тоску, а будит фантазию. Ну посмотрите, здесь же настоящий пейзаж! Разве это не красиво?

Казеус замер и посмотрел на полотно. И впервые за его долгую жизнь ему показалось, что картина стала интереснее. Он начал прищуриваться, а потом вдруг издал звук, похожий на довольное ворчание.

— Хм. Это... это нестандартно. Так ты, значит, специализируешься на чистке?

— Я специализируюсь на возвращении вещам их истинного блеска, — скромно ответил Глюк.

— А какой у тебя блеск? — вдруг капризно спросил Казеус.

— Мой блеск в моих друзьях! — торжественно ответил Глюк.

Искра закатила глаза. Тень откровенно улыбнулась, а Чеддер просто засмеялся. Казеус же, похоже, впервые за миллионы лет почувствовал непреодолимое желание сделать что-то нестандартное. Он перестал быть похожим на надменного бога. Вместо этого он стал похож на заведённого клоуна, который внезапно нашёл реквизит.

Но в этот момент в его глазах-прожекторах промелькнула тень.

— Вы думаете, что можете меня развлечь? — сказал он, и его голос стал холоднее. — Вы думаете, что чистка и шутки могут исправить то, что сломано во мне? Я видел рождение и смерть тысяч цивилизаций. Я создал миры, которые были совершеннее вашего. И всё это было пустотой.

Он протянул щупальце к Глюку и коснулся его лба. Глюк вздрогнул — и вдруг его щётка выпала из рук. Он уставился на неё с недоумением.

— Что... что ты сделал? — спросил он.

— Я забрал твою способность чувствовать чистоту, — сказал Казеус. — Всего на время. Теперь ты не будешь знать, что такое грязь. Ты не сможешь её видеть, не сможешь её ощущать. Ты станешь таким же слепым, как я.

Глюк посмотрел на свои руки. Они казались такими же, но внутри что-то изменилось. Он не чувствовал желания чистить. Он не чувствовал ничего. Паника охватила его.

— Верни! — закричал он. — Верни мою чистоту!

— Ты получишь её обратно, — сказал Казеус. — Если докажешь, что можешь жить без неё. Если ты сможешь найти радость в том, чтобы просто быть, а не делать. Тогда я поверю, что вы действительно можете меня научить.

Чеддер подошёл к Глюку и положил руку на его корпус.

— Мы вернём тебе твою суть, — сказал он. — Обещаю.

Глюк смотрел на свою щётку, лежащую на полу, и впервые в жизни не хотел её поднимать.

— Я не знаю, кто я теперь, — прошептал он.

— Ты — наша команда, — ответил Чеддер. — И это важнее любой чистоты.

Казеус наблюдал за ними, и его палитра мерцала тревожным светом. Он не был уверен, что поступает правильно, но он должен был проверить их. И себя.

— Отлично! — провозгласил Казеус. — Раз вы такие гении, я придумал для вас новое испытание! В моём новом крыле я создал «Симфонию Гравитации». Законы физики станут вальсировать. А для того чтобы они не слишком сбивались с ритма, я создал армию автоматических пылесосов!

— Армию пылесосов? — недоверчиво переспросила Тень.

— Не просто пылесосов! А пылесосов, которые ненавидят пыль! Они уничтожат любой беспорядок! Включая вас!

Действительно, из щелей в полу начали выползать металлические устройства. Они были похожи на гибрид панциря черепахи и массивной трубы. Они двигались к команде, издавая невероятный, оглушительный рев всасывания воздуха.

— Чеддер, это не законно! — крикнула Искра, выхватывая бластер.

— А ты попробуй их выключить! — весело крикнул Казеус. — Я хочу посмотреть, как вы будете выживать в моей идеальной чистоте!

Начался хаос. Искра стреляла по пылесосам, но они не взрывались — они просто всасывали её выстрелы. Гаджет пытался взломать их пульта, но все его попытки приводили к тому, что пылесосы начинали работать ещё агрессивнее. Тень растворилась в тенях, натягивая какие-то провода, но пылесосы просто обходили их.

А Глюк вдруг замер, глядя на приближающуюся угрозу. Его глаза-лампочки погасли. Он не чувствовал чистоты, не чувствовал грязи. Он не чувствовал ничего.

— Глюк! — крикнула Искра. — Что ты делаешь?!

— Я... я не знаю, — ответил он. — Я не чувствую их. Я не знаю, что они такое. Они просто... машины.

— Ты должен их остановить!

— Я не могу! Я не знаю как!

Пылесосы приближались. Один из них уже был в метре от Глюка, его шланг тянулся к корпусу робота. И вдруг Глюк сделал нечто неожиданное. Он шагнул вперёд и посмотрел прямо в объектив пылесоса.

— Ты хочешь меня уничтожить? — спросил он. — Но ты не знаешь, кого уничтожаешь. Я не грязь. Я не пыль. Я — существо, которое потеряло себя. Если ты меня уничтожишь, ты станешь таким же пустым, как я.

Пылесос замер. Его мотор затих. Он смотрел на Глюка, и в его механике что-то изменилось.

— Ты... ты нечистый? — спросил пылесос.

— Я чистый, — ответил Глюк. — Но я не знаю, что это значит. Я потерял способность чувствовать чистоту. И теперь я просто... существую.

Пылесос издал задумчивый звук. Другие пылесосы тоже остановились. Они окружили Глюка, рассматривая его.

— Мы не можем уничтожить того, кто не знает, кто он, — сказал один из них. — Это неэтично.

— Тогда помогите мне найти себя, — попросил Глюк. — Помогите мне вспомнить, что такое чистота.

Пылесосы загудели в унисон, и из их шлангов начали вылетать лёгкие облачка пыли. Они кружились вокруг Глюка, и он чувствовал, как что-то меняется внутри него. Он снова начинал видеть.

— Я... я чувствую, — прошептал он. — Я чувствую пыль. Я чувствую грязь. Я чувствую... себя.

Он схватил свою щётку с пола и начал водить ею по корпусу пылесоса. Тот зажужжал, а затем начал издавать мелодичный звон. Остальные пылесосы последовали его примеру. Вскоре весь зал наполнился музыкой — странной, но гармоничной.

— Они танцуют, — прошептал Гаджет.

— Они перепрограммировались, — сказала Тень. — Глюк убедил их, что чистота — это не уничтожение, а творение.

Казеус смотрел на это представление, и его палитра переливалась всеми цветами радуги. Но вместо восторга на его лице появилось выражение боли.

— Ты показал мне не то, что я хотел увидеть, — сказал он. — Ты показал мне, что я ошибался. Что моя идеальная чистота — это тюрьма. Но я не хочу признавать ошибку. Я хочу просто взять ваши воспоминания и забыть о своих.

— Ты не сможешь забыть, — сказал Чеддер. — Ты запомнишь наш танец, нашу музыку, нашу грязь. И это изменит тебя больше, чем любой отобранный опыт.

Казеус молчал. Потом он махнул щупальцем, и пылесосы укатились обратно в стены.

— Переходим к самому сложному, — сказал он. — В моём «Архиве скуки» вы увидите то, что я ненавижу больше всего — собственную бесконечность. И если вы не сможете доказать, что скука — это не так уж и скучно, вы останетесь в ней навсегда. Но предупреждаю: я не буду просто наблюдать. Я буду забирать ваши эмоции по одной, пока вы не станете пустыми, как мои статуи.

Глюк подошёл к Чеддеру и прошептал:

— Он не хочет нас развлекать. Он хочет нас опустошить. Мы должны показать ему, что пустота — это не выход.

— Тогда пойдём, — сказал Чеддер. — И покажем.

Они вошли в «Архив скуки», оставляя позади танцующих пылесосов и разочарованного бога, который уже начал сомневаться в своей правоте. И это была первая трещина в его идеальной реальности.

Глава 3: «Скука вечности»

Загадка: Почему существо, видевшее всё, не уничтожило галактику?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.